

**ПРАВОСЛАВИЕ В МАНЬЧЖУРИИ В 1920 – 1950-Е ГОДЫ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Панков А. С.

**Научный руководитель – к.и.н. Дворецкая А. П.
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск**

Актуальность данной темы обусловлена возросшим интересом к религии, истории религии и истории православия в частности с одной стороны и к истории русской эмиграции, истории наших соотечественников за рубежом с другой. В последние два десятилетия усиливается влияние различных религий на общественную жизнь страны, а также совсем недавно произошло воссоединение Русской Православной церкви и Русской православной церкви за рубежом. Также с конца 80 – 90-х годов становится открытой тема эмиграции и так называемых островов Рассеяния (мест компактного проживания русских эмигрантов). Процесс современной глобализации остро поставил вопрос о взаимодействии различных социокультурных сообществ в пространстве, многократно пересеченном государственными, конфессиональными, этническими, социокультурными, географическими границами. Ответ на него нужно искать в прошлом. И именно сейчас нужно обратить внимание на один из таких островов Рассеяния – Харбин и Маньчжурию. Именно здесь на протяжении нескольких десятилетий сохранялся старый дореволюционный православный уклад жизни русского населения.

Методологическую основу исследования данной темы составило одно из направлений социальной истории – локальная история. Предметом локальной истории является изучение истории в географически местном контексте. Она включает в себя культурные и социальные аспекты истории. В локальной истории важно выявлять культурные факторы, поддерживавшие устойчивость социокультурных связей социального и культурного пространства, пейзажа и идентичности. Это позволяет выделить основные причины устойчивости сообщества (в данном случае этноконфессионального) русской православной эмиграции на территории Маньчжурии в условиях чужой культурной среды и постоянно меняющихся внешних условий (постоянная смена власти: китайское управление, японская, затем советская оккупация и, наконец, установление власти китайских коммунистов).

Другим смежным подходом к исследованию этой темы является исследование истории повседневности. Повседневность как специальная область исторических исследований была обозначена и стала популярна относительно недавно. Хотя основные сюжеты истории повседневности, такие, как быт, одежда, труд, отдых, обычаи, в отдельных аспектах изучались давно, однако системно стали предметом исследования только в последние десятилетия.

В истории повседневности существует две основных научных школы, проповедующих два кардинально различающихся подхода.

Первая французская школа. Её основатели М.Блок и Л.Февр. Они предложили видеть в реконструкции «повседневного» элемент воссоздания истории в ее целостности. Эту задачу успешно выполняли их сторонники и продолжатели, группировавшиеся вокруг созданного в 1950-е журнала «Анналы». Школа «Анналов» и прежде всего младший современник М.Блока и Л.Февра – Ф.Бродель понимали прошлое как медленное чередование периодов «большой длительности» (*long duree*), в которые была включена и повседневно-бытовая составляющая. История повседневности выступала здесь частью макроконтекста жизни прошлого.

Другое понимание истории повседневности превалирует в германо-итальянской школе микроисториков. Критики «старой науки» в Германии (Х.Медик, А.Людке и др.) призывают молодое поколение переориентировать научные труды, обратив все силы на изучение «микроисторий» отдельных рядовых людей или их групп, носителей повседневных интересов, а через них – проблем культуры как способа понимания повседневной жизни и поведения в ней.

Помимо германских «историков повседневности», к толкованию ее как синонима «микроистории» оказался склонен ряд исследователей в Италии (К.Гинзбург, Д.Леви и др.). Эти ученые сделали достойным внимания науки не только распространенное, но и единственное, случайное и частное в истории, будь то индивид, событие или происшествие.

Значимость микроисторического подхода в исследовании повседневности определяется поэтому, во-первых, тем, что он позволил принять во внимание множество частных судеб. История повседневности стала поэтому реконструкцией «жизни незамечательных людей», которая не менее важна исследователю прошлого, чем жизнь людей «замечательных». Во-вторых, значимость микроистории для повседневности состояла в апробации методик изучения несостоявшихся возможностей. В-третьих, описываемый подход определил новое место источников личного происхождения, помогая пониманию степени свободы индивида в заданных историко-политических, хронологических, этнокультурных и иных обстоятельствах. В-четвертых, именно микроисторики поставили задачей своего исследования изучение вопроса о способах жизни и экстремального выживания в условиях войн, революций, террора, голода. Конечно, и историки броделевской школы обращались к этим сюжетам, однако именно микроисторики, изучавшие повседневность XX столетия, озаботились анализом скорее переходных и переломных эпох, нежели периодов относительной стабильности и стагнации.

Общим для двух подходов в изучении истории повседневности – и намеченного Ф.Броделем, и микроисториками – было новое понимание прошлого как «истории снизу» или «изнутри», давшее голос «маленькому человеку», жертве модернизационных процессов: как необычному, так и самому рядовому.

Следует отметить, что реконструкция повседневной жизни людей неизбежно ставит ряд методологических проблем, которые связаны со сложностями обобщения и оценок многообразных, часто взаимоисключающих данных, раскрывающих внутреннюю неоднородность и изменчивую динамичность хода повседневной жизни. Отдельные ее детали не могут автоматически свидетельствовать об исторической реальности. Исследовательский процесс должен обязательно сопровождаться реконструкцией отдельных элементов в единую систему их взаимосвязей. Поэтому при изучении повседневности необходимо безусловное сочетание методов микро- и макро-уровней исторического исследования.

Основные источники при работе с историей повседневности – эго-документы (источники личного происхождения) – биографии, мемуары, дневники и письма. Специалист по истории повседневности XX в. имеет возможность расширить свою источниковую базу за счет свидетельств еще живущих информантов, то есть использовать метод сбора и записи «жизненных историй» – интервью всех видов (нарративных, полуструктурированных, биографических, лейтмотивных, фокусированных).

При изучении истории этноконфессионального сообщества русской православной эмиграции необходимо сочетать методологию как локальной истории, так и истории повседневности. Это позволит более объективно оценить факторы, влияющие на устойчивость этноконфессионального сообщества в условия поликультурного окружения.